

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ ИЛИ СТАТИСТЫ?

Обсуждая рассказ, мы говорим не о пеховой обиде, не об обиде за того артиста миманса, который описан Кузнецовым. Мы говорим о рассказе как люди, кровно заинтересованные в делах сегодняшней нашей литературы. Мы хотим, чтобы в литературных произведениях жизнь представляла во всей своей полноте, чтобы за критикой недостатков чувствовалось желание писателя бороться за лучшее, новое.

«Литературная газета» уже писала (№25) о рассказе Анатолия Кузнецова «Артист миманса», опубликованном в журнале «Новый мир».

Мы полагаем, что нашим читателям будет интересно ознакомиться с материалами обсуждения этого рассказа в колллективе Государственного академического Большого театра Союза ССР.

Стенограмма «ЛГ»

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ ИЛИ СТАТИСТЫ?

Ю. СТРЕЛЬЦОВ,
артист миманса

Читаешь рассказ Анатолия Кузнецова — и не видишь ни одного порядочного человека вокруг его героя, Ильи Ильича. Режиссер — не вежда, ведущий режиссер — подхалим, начальник коллектива миманса — ничтожество. В дирекции царит бюрократизм. Между сотрудниками театра — полное недоверие друг к другу. Нет и намека на существование общественных организаций. Торжествует самоуправство сильного...

Что особенно удивляет в рассказе, это отсутствие радости советского бытия. Герою рассказа Илье Ильичу жизнь постыла, для него, по существу, потерял ее смысл...

О. ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка СССР

Мне хочется сказать о том остром чувстве неудовлетворенности, которое охватывает при чтении рассказа Анатолия Кузнецова.

Меня лично как-то очень огорчает и даже возмущает не столько то, что автор написал это произведение, сколько позиция редакции, которая сошла возможным его напечатать.

У нас в театрах столько еще пережитков, у нас есть грубость, есть проявления самодурства, самоуправства. Но разве о рассказе Кузнецова можно сказать, что он написан ради борьбы с этими недостатками? Просто автор отдал дань злопыхательству.

Наш народ очень любит театр. Но ведь у нас есть не только села, деревни, но есть и города, где нет театра, но где всегда есть печать, куда всегда приходят журналы и газеты, в том числе и журнал «Новый мир». Прочитав этот рассказ, какое впечатление о труде артиста получают люди, живущие там? Как будут смотреть в глаза наших советских граждан артисты — артисты оперы, балета, мимического ансамбля?

И. ТУМАНОВ,

главный режиссер театра,
народный артист СССР

Я прекрасно понимаю, что критика является действительно движущей силой нашего общества и, вероятно, в любом советском театре есть явления, есть обстоятельства, которые должны быть критикованы. Поэтому я хочу разоблачить крутым кипятком наш лучший тансор Володя Васильев. Это было перед концом второго акта. В зрительном зале люди слышали крик из ложа.

Володя Васильев вышел на сцену и дотанцевал этот акт. В антракте, когда с него сняли колет, оказалось, что на большом пространстве спины нет кожи. Ему залили это место спиртом, надели другой колет, он вышел на сцену и дотанцевал спектакль.

Артист балета показал все качества советского человека.

Премьер балета в рассказе Кузнецова сбивает, не извиняясь, людей с ног, смотрит на товарища по коллективу как на муху...

Так устроилась моя биография, что я с восьмилетнего возраста начал работать в театре. Мне уж скоро шестидесять. Я утверждаю, что 51 год назал в театры вошла Советская власть. Она открыла двери и вошла в театр. Судя по рассказу, Советская власть в этот изображенный в нем многогранный, покрытый бронзой театр еще не входила. За 51 год ничего не изменилось — ни в психологии, ни во взаимоотношениях людей, ни в отношении их к труду.

Вы посмотрите, что происходит в этом театре: балеринки сплетничают в буфете; груда каких-то мифических декораций в пыли валяется за сценой; флегматичные осветители тянут какие-то кабели, о которые все спотыкаются; в оркестре кто-то «кикнул», кому-то дали жару.

А примоните, что артисты выслушивают от своего режиссера, которому все разрешено, как он с ними разговаривает: кретины, олухи, дармоеды. И когда он слышит голос вошедшего артиста миманса, он говорит: «Убраты!», — и мускулистые мальчики подхватывают этого почтенного по возрасту человека, выбрасывают его за дверь.

Утешает героя приятель гобоист, который мудро ему говорит: милый, мир не из премьеров состоит, мир формируется из миманса.

После всего, что изображено, заявить — мир формируется из миманса! Люди, которые делают свое простое, обыкновенное дело, — какими же их себе представляет товарищ Кузнецов?!

П. НАУМЕНКО,

артист миманса

Посмотрите самое начало рассказа Кузнецова — оно неверно, алогично. Ждет человек выхода в своей кулисе. В кулису влетает артист, который не должен туда входить, сбивает стоящего там человека. Но наказывают почему-то пострадавшего. И хотя всем очевидно, что совершается несправедливость, — изменить ничего нельзя...

А теперь о финале. Актер споткнулся, и публика оживилась, засмеялась, это спало спектакль. Неужто публика не отличит, где мастерство, а где оплошность?.. Нельзя, описывая случайность, возводить ее в степень мастерства.

Б. БУЛГАКОВ,

заведующий оркестром

Шуберт говорил о том, что в оркестре нужно уважать любой инструмент: скрипку, флейту, большой барабан — совершенно одинаково. Без них не было бы оркестра.

Артистов миманса в театре уважают так же, как артистов балета, артистов оперы, работников постановочной части. Мы живем дружной семьей, у нас одни большие цели, одни задачи.

У артиста миманса, у Ильи Ильича, есть друг-гобоист, о котором Кузнецов пишет: неудачник. А почему неудачник? Потому что он — старый? Нет, старых артистов у нас уважают. Потом я понял — неудачник, потому что он... гобоист. Причем в конце рассказа я узнаю, что это не просто гобоист, это солист — речь идет о солисте крупного оперного театра! Почему же он неудачник?.. Значит, все-таки потому, что он «всегонавсего» гобоист?!

В. ПЕЩЕРИКОВА,
заведующая мимансом

Действительно, в рассказе Кузнецова унижено достоинство советского человека, советского артиста.

У нас в театре существует несколько творческих коллективов, и они являются равноправными участниками создания спектаклей. И миманс — это тоже самостоятельный творческий коллектив. В наших постановках с их массовыми сценами артистам миманса принадлежит очень большая роль.

Артисты миманса — не бесправные люди. Они активные участники всей жизни театра, они входят в партийные и профсоюзные комитеты. У нас не мыслится театр без полноценного творческого вклада миманса.

Я не знаю, с кем общался автор рассказа, откуда брал материал. Он, вероятно, знает театр по «Льву Гурьичу Синичкину»...

Печать — острое оружие, им надо пользоваться очень аккуратно. И если ты писатель, если у тебя есть в активе хорошие вещи, — ведь «Бабий Яр» мы все читали, кто скажет плохо об этом произведении? — то как же можно писать такое?

Б. КЛЕЙМАН,

артист миманса

Возможно, Кузнецов хотел с симпатией изобразить своего героя, но в рассказе чувствуется не симпатия, а презрение. И я понимаю, почему это так возмущало людей, работников нашего театра, коммунистов и беспартийных, всех тех, кто отдаст себя служению искусству. И интересно, что здесь выступают не только артисты миманса, выступают и работники других театральных специальностей, которые хорошо знают, что представляет собой коллектив артистов миманса.

М. КИСЕЛЕВ,

солист оперы,
народный артист РСФСР

Автор рассказа жалеет героя. Он примерно так к нему относится: «Я тебя люблю, но какой ты несчастный, боже мой!» И изображает, как Илья Ильич ест дома холодную картошку, и какая у него несчастная дочь, и как на штанишки для внука он должен тратить трехдневный заработок. Жалеет... А жалость — это не то, что любовь. Такая жалость в высшей степени оскорбительна для человека, для артиста.

О. ЧУДИНОВ,

артист миманса

Можно и нужно писать о тех недостатках, которые есть, но нужно еще писать о путях к исправлению этих недостатков — путях, которые существуют в жизни.

В том и состоит ошибка автора, что он не был озабочен такой целью.

А ошибка журнала, очевидно, заключается в том, что он не занял принципиальной позиции.

Обсуждая рассказ, мы говорим не о цеховой обиде, не об обиде за того артиста миманса, который описан Кузнецовым. Мы говорим о рассказе как люди, кровно заинтересованные в делах сегодняшней нашей литературы. Мы хотим, чтобы в литературных произведениях жизнь представляла во всей своей полноте, чтобы за критикой недостатков чувствовалось желание писателя бороться за лучшее, новое.